

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Анализируется уголовное законодательство стран Восточной Азии с точки зрения закрепления в нем понятия преступления. Исследование зарубежного опыта в решении проблем определения преступления, его общественной опасности, малозначительности деяния обусловлено необходимостью решения указанных вопросов в отечественном законодательстве и правоприменительной практике с учетом этого опыта, а также активным развитием международного сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: преступление; уголовный проступок; малозначительность; общественная опасность.

E. V. Rogova

THE CONCEPT OF PENAL PROHIBITION IN LEGISLATION OF EAST-ASIAN COUNTRIES

The author analyzes criminal legislation in East-Asian countries taking into consideration the notion of crime. Studies of international approaches to defining crime, its social danger, and misdemeanor are determined by the necessity to give definition to these notions in Russian legislation and law enforcement practice, as well as by fast development of international cooperation between Russia and Asian-Pacific countries.

Keywords: crime; criminal infraction; misdemeanor; social danger.

Компаративистский подход, подразумевающий под собой изучение не только отечественного законодательства, но и зарубежного, является важным направлением исследования реального состояния уголовного права и отдельных его институтов. В связи с этим, научный и практический интерес представляет анализ уголовного законодательства стран Восточной Азии в части, касающейся определения понятия преступления, его общественной опасности, наличия в законе такой оценочной категории, как малозначительность деяния. Эти определения вызывают в настоящее время оживленные дискуссии российских ученых, занимающихся вопросами уголовного права. Кроме того, и в правоприменительной практике имеется ряд проблем в связи с определением общественной опасности преступления, отнесения деяния к малозначительному. Необходимость обращения к опыту зарубежных стран, в частности, стран Восточной Азии, обусловлена и активным развитием международного сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Правовые системы стран Восточной Азии вызывают особый интерес для российского читателя, хотя можно отметить небольшую степень их исследованности со стороны отечественных ученых. Вместе с тем, изучение уголовного права стран Азии, в частности, уголовного права Японии, в настоящее время приобретает все большую популярность.

Уникальность уголовного законодательства Японии заключается, прежде всего, в его обособленности вплоть до XIX в. от влияния западной культуры. В нем японцам удалось сохранить свои некоторые традиции

в сочетании с современным прагматизмом. Исторически так сложилось, что в Японии право тесно связано с нормами морали. Вместе с тем, общество, как правило, не презирует преступника, а считает его оступившимся человеком, к которому следует проявлять жалость, назначать ему более мягкое наказание.

Общественное мышление, которое традиционно отдавало приоритет коллективу перед личностью, видит в преступлении нарушение норм коллектива, общества.

Уголовное право Японии прошло в своем развитии, как отмечают исследователи четыре этапа [2, с. 610]. Первый этап продолжался приблизительно до XII в. В этот период уголовное право Японии было построено по образцу китайского, в японском средневековом праве не было четких различий между деликтом и преступлением, нормами уголовного и административного права.

Второй этап развития уголовного права Японии продолжался до начала «Рестаурации Мейдзи» в 1868 г. В этот период в законе была закреплена строгая дифференциация уголовной ответственности феодалов и крестьян, в основе кодификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства лежали нормы раннефеодального права.

Начало третьего этапа ассоциируется с принятием свода законов «Рестаурации Мейдзи» в 1868 г. Именно этот период характеризуется обращением к западноевропейской (континентальной) юридической мысли. Уголовный кодекс Японии 1870 г., составленный по типу китайского, имел архаичный характер и уже не соответствовал потребностям времени. В 1882 г. был составлен Уголовный кодекс, при формировании которого сказалось влияние Кодекса Наполеона 1810 г., который своей прогрессивностью привлекал в то время внимание правоведов всего мира. Тогда был закреплен важный принцип «нет преступления без указания о том в законе», который сохранил свое значение до настоящего времени. Однако проект Кодекса 1882 г. принят не был.

В настоящее время основным источником уголовного права Японии является Уголовный кодекс, принятый 24 апреля 1907 г. [8]. Данный кодекс был принят под большим влиянием германского уголовного законодательства.

В 1947 г. в Японии вступила в действие Конституция, в некоторых положениях которой содержатся нормы уголовного права. Принцип «нет преступления без указания о том законе» был закреплен в положениях Конституции Японии. Принцип законности, согласно которому преступность деяния, а также и его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются законом, формируется в трех статьях Конституции Японии. С принятием данного нормативного акта начался четвертый этап развития уголовного права Японии, связанный со временем американской оккупации. Поражение Японии во Второй мировой войне и ее оккупация в течение семи лет американскими войсками привели к существенным изменениям в японском праве. В японской Конституции в соответствии с американскими правовыми взглядами усилена роль судебной власти и содержится каталог основных прав и свобод граждан, подлежащих непосредственной судебной защите.

В целом следует констатировать, что японское материальное уголовное право по-прежнему испытывает влияние преимущественно романо-германской правовой системы, для которой характерно формальное определение преступления.

В Уголовном кодексе Японии отсутствует понятие преступления, не закреплены категории преступлений в зависимости от их тяжести. Однако в другом источнике уголовного права Японии — в Законе о малозначительных преступлениях 1948 г. закреплены мелкие уголовные правонарушения (кэйхандзай хо), под которыми имеются в виду 34 состава, наказуемые уголовным арестом и малым уголовным штрафом. В российской уголовно-правовой науке звучат предложения о выделении уголовных проступков, которые не находят поддержки у законодателя. Все же их введение имело бы достаточное количество положительных моментов, одним из которых стала бы более ясная и точная статистическая картина преступности в России, и, соответственно, разработка адекватных мер по борьбе с преступностью.

Некоторые исследователи уголовной политики Японии отмечают то, что отсутствие определения преступления объясняется тем, что в Японии, при разработке мер борьбы с преступностью, делается акцент не на теоретической основе уголовно-правовых мер, а на общесоциальном воздействии [4, с. 10].

Отсутствие законодательного понятия преступления восполняется доктриной уголовного права, а также разъяснениями Верховного Суда, судебной практикой. В юридической литературе Японии определяется, что преступное деяние — это деяние, «...подпадающее под состав преступления, противоправное и влекущее ответственность» [5, с. 438]. Японские исследователи отмечают, что, в общем, преступление — это социально-опасное деяние, но, с другой стороны, нельзя признавать наличие преступления легко и произвольно. Поэтому для такого признания необходим тщательный и надлежащий процесс. В нем для образования преступления требуются, говоря в целом, три условия. Ими должны быть: «соответствие составу преступления», «противоправность» и «ответственность», а также само «деяние», представляющее собой предпосылку для образования и рассмотрения «условий». Японские теоретики находят, что именно в ряде статей Конституции реально воплощен принцип «нет преступления без указания о том законе», который отражает формальное определение преступления или признак противоправности.

Характеризуя такой важный признак преступления, как общественная опасность, отметим, что прямого указания на него нет, хотя, это не означает того, что ему не уделяется должного внимания. Проблема общественной опасности сводится к вопросу об охраняемых или нарушаемых правовых благах, и этот вопрос обычно поднимается в связи с рассмотрением целей уголовного права, объективной стороны преступления, классификации составов преступлений и т.д. Заслуживает определенного внимания и поддержки тот факт, что сущность и содержание общественной опасности раскрывается, в первую очередь, через те охраняемые блага, на которые посягает правонарушитель. Это позволяет избежать наличия оценочных категорий и, соответственно, субъективизма при их определении.

Японская уголовная статистика разделяет преступления на две группы: предусмотренные Уголовным кодексом; предусмотренные специальными законами (например, Закон о дорожно-транспортном движении). В связи с чем, мы и приходим к выводу о том, что в статистику попадают все противоправные деяния независимо от степени их тяжести, в отличие от российской статистики. Из российской уголовной статистики выпадает значительный массив так называемых малозначительных деяний.

Это происходит потому, что органы дознания, дознаватели, следователи в связи с совершением деяний, попадающих под признаки малозначительности (которые, не закреплены в настоящее время в действующем Уголовном кодексе РФ), выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Особенность уголовного законодательства Кореи обуславливается ее делением на две части: Северную и Южную. Следует отметить, что до принятия Уголовного кодекса Северной Кореи в 1950 г. на ее территории действовал Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., впоследствии оказавший серьезное влияние на оформление собственного уголовного законодательства Северной Кореи того периода развития.

Рассматривая уголовное законодательство Южной Кореи, отметим его некоторую схожесть с Уголовным кодексом Японии в части, касающейся отсутствия законодательно закреплённого понятия преступления. Глава вторая Общей части Уголовного кодекса Республики Корея «Преступление» регламентирует данный институт [7]. Обращение к этой главе позволяет сделать вывод о том, что самого понятия «преступление» в ней не содержится.

Доктринальное толкование понятия «преступление» можно найти в юридической энциклопедии. Существует два определения преступления: обиходное и научное. Согласно первому из них под преступлением понимают всякое правонарушение, рассматриваемое как нарушение установленного общественного порядка. Второе же подразумевает «...посягательство на установленный законом общественный порядок, государственный суверенитет, личные права граждан и их жизнь, общественную и частную собственность и другое» [1].

Наибольший интерес в связи с рассматриваемой темой представляет второе определение преступления, так как в нем раскрывается его общественная опасность через те объекты, на которые посягает противоправное деяние. В связи с чем нет необходимости в законе закреплять понятие малозначительного деяния.

Первый Уголовный кодекс КНР был принят в 1979 г. на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) пятого созыва. Указанный кодекс при всех его недостатках и просчетах, стал очевидным достижением китайских законодателей и продемонстрировал принципиальные положительные изменения в правовой культуре правящей элиты и всего общества.

В конце 1970-х гг. начавшиеся реформы привели к грандиозным переменам в обществе и спровоцировали появление абсолютно новых для социалистического Китая видов преступлений, что заставило общество по-иному взглянуть на криминогенную ситуацию и начать работу над современным уголовным законодательством.

Принятый Уголовный кодекс Китая 1997 г. внес масштабные изменения в существующее уголовное законодательство. Впервые в истории Китая уголовные законы из средства подавления и угнетения трудящихся масс, из средства защиты интересов эксплуататорских классов превратились в орудие защиты интересов народа, его революционных завоеваний. Уголовное право КНР проникнуто духом подлинного гуманизма, главной его задачей является воспитание и перевоспитание членов общества, совершивших общественно-опасные действия; воспитание на основе применения наказания, предупреждения совершения преступлений.

Действующий китайский Уголовный кодекс закрепляет понятие преступления в ст. 3 и 13 [6]. Китайское уголовное законодательство сочетает в себе и формальное определение преступления, под которым понимается то, что названо как таковое в Уголовном кодексе, поэтому определение преступления и вынесение приговора осуществляются на основании кодекса. Если деяние не названо как преступление в кодексе, то его нельзя определить как преступление и выносить приговор (ст. 3). Вместе с тем, в ст. 13 определяется материальная сторона преступления через указание на вред и объекты посягательства, что является, несомненно, положительным моментом, на который российскому законодателю следует обратить внимание.

Общественная опасность, являясь объективным свойством преступления, должна достигнуть определенной степени. Она выступает основанием привлечения виновного лица к уголовной ответственности. Общественная опасность определяется через объекты посягательства. В Уголовном кодексе КНР закреплено, что «...все деяния, наносящие вред государственному суверенитету, территориальной целостности и спокойствию, направленные на раскол государства, подрывающие народно-демократическую диктатуру, свержающие социалистический строй, нарушающие общественный и экономический порядок, частную или коллективную собственность трудящихся масс, посягающие на личную собственность граждан, их личные демократические и прочие права, а также другие наносящие вред обществу деяния, за которые в настоящем Кодексе предусмотрено уголовное наказание, являются преступлениями». В этой же статье указывается на явно малозначительное, неопасное деяние как на не преступное.

По мнению некоторых российских ученых не следует соглашаться с китайскими теоретиками, которые говорят о необходимости критического подхода к определению преступления, закрепленного в Уголовном кодексе КНР, из-за признака общественной опасности и предлагают встать на позицию Уголовного уложения Германии 1871 г. и Уголовного кодекса Японии 1907 г., базирующегося, как уже отмечалось выше, на германском уголовном законодательстве [3, с. 67–68]. Нам же представляется правильной позиция уголовного законодательства Китая, заключающаяся в том, что общественная опасность раскрывается через объекты посягательства. На такой же позиции стоит уголовно-правовая доктрина в Японии и Корее.

Следует отметить, что в Уголовном кодексе КНР нет определенной категоризации преступлений. В китайском кодексе используются термины «менее тяжкое преступление», «сравнительно тяжкое» и др., однако, содержание их не раскрывается. В связи с этим некоторые ученые указывают на недостаток уголовного законодательства Китая и предлагают восполнить этот пробел, закрепив категории преступлений в уголовном кодексе [9, с. 12].

Представляется разумным воспринять опыт тех зарубежных стран, которые отказались от такой оценочной категории, как малозначительность деяния, либо вообще ее не использовали. Сущность общественной опасности следует раскрыть через объекты преступного посягательства, указанные в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса РФ (права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, мир и безопасность человечества).

Список использованной литературы

1. Иванов А.М. А как у них? Преступление и наказание в странах Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] / А.М. Иванов, А.Г. Корчагин. — URL: <http://proknadzor.ru/>.
2. Игнатов А.Н. Уголовное право России: учеб.: в 2 т. Т. 1: Общая часть / А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. — М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. — 639 с.
3. Кузнецова Н.Ф. Значение общественной опасности деяний для их криминализации и декриминализации / Н.Ф. Кузнецова // Государство и право. — 2010. — № 6. — С. 67–75.
4. Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в современной Японии: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Владивосток, 2000. — 27 с.
5. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. — М.: Омега-Л; Ин-т междунар. права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2003. — 576 с.
6. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. — 303 с.
7. Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред. А.И. Коробеев. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. — 318 с.
8. Уголовный кодекс Японии / науч. ред. А.И. Коробеев. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. — 226 с.
9. Цзян Хуэйлинь Основные черты уголовного кодекса Китайской Народной Республики: автореф. дис... канд. юрид. наук / Цзян Хуэйлинь. — М., 1999. — 19 с.

References

1. Ivanov A.M. A kak u nikh? Prestuplenie i nakazanie v stranakh Yugo-Vostochnoi Azii [Elektronnyi resurs] / A.M. Ivanov, A.G. Korchagin. — URL: <http://proknadzor.ru/>.
2. Ignatov A.N. Ugolovnoe pravo Rossii: ucheb.: v 2 t. T. 1: Obshchaya chast' / A.N. Ignatov, Yu.A. Krasikov. — M.: NORMA-INFRA-M, 1999. — 639 s.
3. Kuznetsova N.F. Znachenie obshchestvennoi opasnosti deyanii dlya ikh kriminalizatsii i dekriminalizatsii / N.F. Kuznetsova // Gosudarstvo i pravo. — 2010. — № 6. — S. 67–75.
4. Morozov N.A. Prestupnost' i bor'ba s nei v sovremennoi Yaponii: avtoref. dis... kand. yurid. nauk. — Vladivostok, 2000. — 27 s.
5. Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv. Obshchaya chast': ucheb. posobie / pod red. i s predisl. I.D. Kozochkina. — M.: Omega-L; In-t mezhduunar. prava i ekonomiki im. A.S. Griboedova, 2003. — 576 s.
6. Ugolovnyi kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki. — SPb.: Yurid. tsentr «Press», 2001. — 303 s.
7. Ugolovnyi kodeks Respubliki Koreya / nauch. red. A.I. Korobeev. — SPb.: Yurid. tsentr «Press», 2003. — 318 s.
8. Ugolovnyi kodeks Yaponii / nauch. red. A.I. Korobeev. — SPb.: Yurid. tsentr «Press», 2002. — 226 s.
9. Tszyan Khueilin' Osnovnye cherty ugolovnogo kodeksa Kitaiskoi Narodnoi Respubliki: avtoref. dis... kand. yurid. nauk / Tszyan Khueilin'. — M., 1999. — 19 s.

Информация об авторе

Рогова Евгения Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, докторант, кафедра уголовной политики и организации предупреждения преступлений, Академия управления МВД России, г. Москва, e-mail: rev-80@yandex.ru.

Author

Rogova Evgenia Viktorovna — PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Policy and Organizing Crime Prevention, Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, Moscow, e-mail: rev-80@yandex.ru.